

В. М. ЖИРМУНСКИЙ

О СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ В ЯЗЫКОЗНАНИИ¹

1

Споры, которые в настоящее время имеют место в советском языкознании по поводу проблемы синхронии и диахронии, или, точнее, по вопросу о методе и границах применения так называемого «синхронного» анализа языка, теснейшим образом связаны с дискуссией о структурализме — этом ведущем направлении современной зарубежной лингвистики. В ходе дискуссии уместно вспомнить традиции классического русского языкознания в отношении синхронного анализа языка и методологические установки советской лингвистики.

Синхронное изучение языка не представляет само по себе какого-либо новшества в языкознании. Лингвистика, существовавшая до возникновения исторического языкознания XIX в. в течение многих веков как на Западе, так и на Востоке, всегда имела синхронный характер — описательный и вместе с тем нормативный, в соответствии с практическими задачами установления нормы родного литературного языка или обучения нормам иностранного. В таких грамматиках язык представлялся как совокупность правил, в которых неизменно наличествовали исключения, противоречащие этим правилам. И правила, и исключения подлежали практическому усвоению, заучиванию как норма, имеющаяся в данном языке.

Великим открытием XIX в. явилось, как известно, историческое языкознание. Именно как о великом открытии говорит Энгельс об историческом языкознании, которое получило в последние 60 лет такое мощное и плодотворное развитие (у Боппа, Грима и Дитца), противопоставляя его тем школьным грамматикам старого времени, которым следовал Дюринг². Открытие это позволило объяснить современный язык как результат закономерного исторического развития, понять существующие в грамматике на данной ступени развития языка исключения как пережитки отесненных закономерностей предшествующей исторической ступени или как новые закономерности, еще не получившие всеобщего признания. Исторический метод стал основным методом науки о языке, методом, вскрывающим внутренние законы его развития.

Конечно, историко-генетическое рассмотрение явлений языка могло иметь разный характер в зависимости от различия методологических направлений тех или иных лингвистических школ. Для лингвистического позитивизма младограмматиков, господствовавшего в языкознании за рубежом, а отчасти и у нас начиная с 70-х годов прошлого века, характерно было генетическое рассмотрение отдельных изолированных языковых явлений вне их связи между собой. Это и есть так называемый «диахрони-

¹ Доклад на открытом заседании Ученого совета Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР, посвященном 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции (20 XI 1957).

² См. Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1957, стр. 304.

ческий атомизм» младограмматиков, который не следует, конечно, отождествлять с исторической (диахронической) точкой зрения как таковой.

Поворот к рассмотрению языка как непосредственной данности («синхронно»), вне вопроса о генезисе отдельных его элементов, наметился в русской и зарубежной науке с начала XX в., во всяком случае уже вполне отчетливо — с 1910-х годов, как реакция против господствовавших методов младограмматической школы. Описание определенного состояния языка, прежде всего современного языка как данного нам непосредственно и потому не требующего сложных методов исторической реконструкции, стало в это время программой целого направления языковедения, которое получило у нас название «лингвистического модернизма». Наиболее ярким представителем этого направления был Л. В. Щерба, лингвистические интересы которого лежали преимущественно в области изучения современного языка. Сборники «Русская речь», выходявшие в 1923—1928 гг. под ред. Л. В. Щербы, объединили вокруг себя молодых тогда исследователей, примыкавших к этому направлению (В. В. Виноградов, Л. П. Якубинский, Б. А. Ларин, С. И. Бернштейн — в Ленинграде, Г. О. Винокур — в Москве), и некоторых языковедов старшего поколения (А. М. Пешковский и др.).

Изучение грамматики с о в р е м е н н о г о я з ы к а в это время впервые становится научной проблемой. В наши дни для молодого поколения советских лингвистов стало вполне привычным, что в университете и в педагогических институтах читается курс грамматики современного русского языка как обязательная часть учебной программы по русскому языковедению. Между тем в старой дореволюционной университетской программе такого курса не существовало. Курс этот явился завоеванием «лингвистического модернизма» 1910—1920-х годов, новшеством и достижением советского времени. Книга В. В. Виноградова «Русский язык», большая академическая «Грамматика русского языка» выросли из этого нового направления нашей науки, как и многочисленные специальные монографии, статьи и диссертации, посвященные современному русскому языку.

Эту новую отрасль языковедения принято было одно время называть «научной» грамматикой современного языка в отличие от грамматики «школьной» («практической»), чтобы подчеркнуть таким названием (в то время это не казалось само собой разумеющимся), что грамматическое описание современного языка имеет такое же законное право считаться наукой, как и грамматика историческая.

Если подойти, исходя из современных научных требований в этой области, к такой классической книге, как «Очерк современного русского языка» акад. А. А. Шахматова, в основе которого лежит рукопись университетского курса 1911—1912 гг., то на этом особенно характерном примере наглядно выяснится различие старой и новой точек зрения: даже такой крупнейший ученый, как А. А. Шахматов, рассматривал современный язык в основном с точки зрения происхождения (т. е. генетического объяснения) отдельных его элементов.

То же относится и к изучению иностранных языков. На занятиях по германистике в Петербургском университете в 1910-х годах профессор читал со студентами «Вертера» Гете с лингвистическим толкованием текста, которое состояло в том, что каждое слово романа Гете «возводилось» к его прагерманскому и индоевропейскому архетипу. Пример этот лучше всего показывает, что в то время задачу лингвистического исследования (хотя бы и современного литературного текста) понимали исключительно генетически, в духе «диахронического атомизма» младограмматиков. С этими установками старой школы следует сопоставить тот лингвистический анализ современных текстов, который пропагандировал уже в советское время Л. В. Щерба как для русского, так и для иностранных язы-

мов и образцы которого он опубликовал в сборнике «Русская речь» под заглавием: «Опыты лингвистического толкования стихотворений».

В дореволюционные годы в наших университетах преподавалась только история романских и германских языков, а современный иностранный язык был лишь предметом так называемого лекторского, т. е. школьного, практического обучения. В наше время курс научной грамматики современного иностранного языка также завоевал себе прочное место в программах университетов и педагогических институтов. Книги Т. В. Строевой — Л. Р. Зиндера по современному немецкому языку, Б. А. Ильиша по современному английскому языку, выдержавшие несколько изданий, являются образцами таких «научных грамматик». К этому следует добавить чрезвычайно многочисленные диссертации, специальные статьи и монографии, посвященные вопросам фонетики, грамматики (за последнее время и лексики) современных германских и романских языков — английского, немецкого, французского¹.

Характерно, что немецкая германистика, сохранившая в основном позиции младограмматической диахронии старого времени, гораздо беднее подобного рода исследованиями, вследствие чего она, несомненно, отстает в разработке общеграмматической проблематики, опирающейся на синхронный анализ. Задача создания «научной грамматики» современного немецкого языка поставлена в настоящее время в Германской Демократической Республике Институтом немецкого языка Берлинской Академии наук и была предметом специального обсуждения Международной конференции германистов, созванной Академией летом 1955 г.²

Огромная работа проделана в советское время и по «синхронному» грамматическому описанию многочисленных языков и наречий нашей страны, до революции (частично, по крайней мере) в науке не известных, в ряде случаев младописьменных, а иногда и вовсе бесписьменных — тюркских, монгольских, иранских, северокавказских, финских и так называемых «северных». Многие из этих описаний были для науки подлинными открытиями; все они имели огромное практическое значение для дела создания или нормализации национальных литературных языков и национальной письменности, иными словами — для строительства новой социалистической культуры. Принцип синхронного описания подсказывался и оправдывался, между прочим, и особенностями самого материала: отсутствием письменно засвидетельствованных исторических текстов.

О научных принципах такого синхронного анализа говорил уже Л. В. Щерба в предисловии к своей докторской диссертации, посвященной описанию восточнорусского наречия: «Описание это основывается исключительно на наблюдении живого произносимого языка, без привнесения каких-либо чуждых категорий, не имеющих оснований в психике говорящих, а следовательно оно не имеет никакой исторической перспективы в обычном смысле этого слова. Поэтому пусть не перевертывается сердце слависта, когда я исторически разные явления отношу в одну рубрику и разделяю то, что он привык видеть вместе: в описательной части мне нет дела до истории; меня интересует лишь то, что чувствуют и думают говорящие. В обнаружении этого и заключалась вся моя работа»³.

¹ К сожалению, диссертации эти в большинстве своем известны только по авторефератам.

² См. В. М. Ж и р м у н с к и й, Отчет о научной командировке в Германскую Демократическую Республику, ИАН ОЛЯ, 1956, вып. 6, стр. 557.

³ Л. В. Щ е р б а, Восточнорусское наречие, т. I, Пг., 1915, стр. XIX. В примечании Л. В. Щерба делает, однако, очень существенную оговорку, указывающую на наличие в синхронном описании элементов диахронии: «...на самом деле хорошее психологическое описание данного языка в данный момент времени само по себе дает понятие о ближайшем его прошлом и возможном будущем» (там же, примеч. 1).

Неудивительно, что подобные идеи могли в то время возникнуть, поскольку Л. В. Щерба был учеником петербургского профессора И. А. Бодуэна де Куртенэ, который еще в 1895 г. выступил с замечательной книгой (опубликованной на польском и немецком языках) «Опыт теории фонетических альтернатив», где вопрос о фонетических чередованиях ставится в рамках системы языка. В период господства младограмматических теорий книга эта прошла почти незамеченной. Такому крупному ученому, как И. А. Бодуэн де Куртенэ, автору ряда исторических исследований по славянским языкам, могли тогда в лучшем случае «простить» его оригинальное желание заниматься вопросами, которые, вероятно, большинству его современников должны были представляться более или менее праздными: как соотносятся или чередуются те или иные явления в системе языка, рассматриваемого как данность, независимо от исторического генезиса отдельных элементов этой системы.

2

Эта историческая справка показывает, что структурализм в отношении так называемого «синхронного» изучения языка представляет лишь одно из ответвлений гораздо более широкого научного движения XX в., которое наблюдалось одновременно и в других исторических науках¹. От русского дореволюционного и советского «лингвистического модернизма», о котором говорилось выше, это ответвление существенным образом отличалось по своей лингвистической идеологии. Основоположники структурализма за рубежом Н. С. Трубецкой и Р. О. Якобсон были, как и Л. В. Щерба, идейными последователями Бодуэна де Куртенэ. Но влияние идей этого выдающегося русского ученого скрестилось в их лингвистической идеологии с другим, более сильным влиянием языковых теорий де Соссюра.

Как известно, Ф. де Соссюр рассматривал язык как систему знаков, элементы которой определяются противопоставлением различительных признаков. Напомним основополагающие высказывания де Соссюра: «...в языке нет ничего кроме различий. Более того, различие, вообще говоря, предполагает положительные моменты, между которыми оно и устанавливается, но в языке имеются только различия, без положительных моментов»². В частности, «чтобы познать звуковые единицы языка, нет необходимости ознакомиться с характером их положительных качеств; их следует рассматривать как дифференциальные величины, сущность которых в том, чтобы не смешиваться друг с другом»³. Синхрония, в понимании де Соссюра, — это язык, рассматриваемый как система статических противопоставлений, лежащих в одной временной плоскости, статический двухмерный «срез», горизонтальная плоскость или «ось одновременности» (в отличие от диахронии как «оси последовательности»); в синхронной системе языка, согласно де Соссюру, «исключено всякое вмешательство времени»⁴.

¹ В частности, в немецком идеалистическом литературоведении XX в. такой характер имела реакция против господствовавшего в Германии с 1870-х годов филологического позитивизма школы Шерера, по своим тенденциям во многом родственной младограмматикам. Идеино-художественное содержание «Фауста» Гете, конечно, не исчерпывается историей сюжета (легенды о Фаусте) и творческой историей самого произведения в его последовательных редакциях, т. е. обычными для немецкой филологической школы «диахроническими» проблемами. Характерно, однако, что задача имманентного («синхронного») анализа философского и художественного содержания поэтического произведения решалась такими представителями нового направления, как Ф. Гундольф и др., в сознательном отрыве от социально-исторических предпосылок этого содержания.

² Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, М., 1933, стр. 119.

³ Там же, стр. 199.

⁴ Там же, стр. 88.

Этому пониманию «синхронии» как «статической лингвистики», характерному для Соссюра и его школы, мы противопоставляем рассмотрение языка как системы, которая находится в движении и развитии — как в целом, так и во всех своих частях, так что взаимоотношение между частями системы определяется не статическими противопоставлениями на горизонтальной плоскости, а динамически — законами движения системы и ее элементов. Возьмем в качестве примера известную книгу акад. В. В. Виноградова «Русский язык». Книга эта отражает общие методологические установки «лингвистического модернизма» в советском языкознании. Она рассматривает грамматику русского языка как данность, т. е. синхронно, не касаясь вопроса о генезисе тех или иных ее элементов. В этом была новизна книги по сравнению, например, с классической работой акад. Шахматова о современном русском языке, насквозь генетической по своему методу. Тем не менее автор книги «Русский язык» отнюдь не структуралист. Понимание языка как данности в его книге существенным образом отличается от принципов так называемой «структуральной лингвистики». Приведем несколько примеров.

1. В. В. Виноградов говорит об «утрате» (или «атрофии») форм склонения у кратких прилагательных, связанной с их предикативным употреблением. (Структуралист с точки зрения «статической лингвистики» де Соссюра мог бы только констатировать отсутствие таких форм, а не их «утрату».) В краткой форме прилагательного значение качества переходит в значение качественного состояния, мыслимого в формах времени. При этом происходит «процесс грамматического обособления кратких форм», «процесс выпадения кратких форм из состава категории имени прилагательного, процесс обособления их в самостоятельную грамматическую категорию...»¹. Понятия «утрата» («атрофия»), «процесс», «переход» и т. п. разрушают статическую неподвижность синхронного описания грамматической системы, внося в это описание элемент развития, весьма существенный для понимания особого места рассматриваемой грамматической формы в современном русском языке, «сближения кратких прилагательных с категорией состояния»².

2. Сходным образом В. В. Виноградов говорит и о «развитии качественности» в прилагательных притяжательных и относительных³. Ср., например, *золотая монета* и *золотые локоны*, *медвежья лапа* и *медвежья услуга* и т. п. (качественность появляется здесь в переносных значениях). Развитие качественности приводит к возможности образования степеней сравнения, которые отсутствуют при основном, относительном значении прилагательных — ср. *туманнее*, *бешенее* и т. п. Эта тенденция к развитию качественности — важная особенность прилагательных как качественных слов и не может быть упущена при синхронном описании этой грамматической категории.

3. В главе о наречиях В. В. Виноградов рассматривает «процессы адвербиализации» имен, в частности конструкций с предлогами. Ср. *вдалеке*, *взаперти*, *второпях*, но также *в тиши*, *в тайне* и т. п., которые еще пишутся раздельно, или *на ходу*, *на лету*, *на днях*, но также *быть на посылках*, *находиться на иждивении* (случаи переходные, принадлежность которых к наречиям остается спорной)⁴. Процессуальный характер этой «адвербиализации» — существенная особенность языка в данном его состоянии, которая должна быть отмечена в синхронном его описании.

¹ См. В. В. Виноградов, *Русский язык*, М. — Л., 1947, стр. 262 и сл.

² Там же, стр. 402 и сл.

³ Там же, стр. 193 и сл., стр. 203 и сл.

⁴ Там же, стр. 355 и сл.

Число примеров легко может быть умножено. Неучет элемента развития, статическое противопоставление на плоскости с неизбежностью должны привести исследователя к метафизическим разграничениям и «дистинкциям» (например: здесь — наречие, там — «не наречие»). С этой точки зрения полезно вспомнить полемику К. А. Левковской против термина «полусуффиксы», введенного в книге М. Д. Степановой «Словообразование современного немецкого языка» (М., 1953) для второго элемента слов типа *Amtmann, Edelmann, Lebermann (-mann)* или *Buschwerk, Räderwerk (-werk)* и т. п. К. А. Левковскую беспокоит, что «полусуффиксы» при таком «в корне неправильном» подходе пришлось бы «рассматривать как словообразовательные форманты, не принадлежащие ни к основам, ни к аффиксам»¹. На самом деле мы имеем здесь дело с явлением переходным, находящимся в развитии, с незавершенным процессом грамматического обобщения, трансформации второго элемента сложного слова в словообразовательный суффикс — процессом, в результате которого в более раннее время слово *heit*, еще сохранявшееся в древневерхненемецком в самостоятельном употреблении с значением «лицо», «положение», «вид», превращается, как второй элемент сложного слова, в словообразовательный суффикс имен существительных с абстрактным значением (ср. дрвнем. *törheit* «глупость», *frîheit* «свобода», т. е. «свободное положение», и т. п.). Синхронное описание, стремящееся преодолеть метафизическую неподвижность подобных статических «противопоставлений», должно учитывать эти процессуальные элементы, наличествующие в любом горизонтальном «срезе» языка.

Мы сейчас широко употребляем понятия и термины «продуктивные» и «непродуктивные» формы в языке, в частности суффиксы «продуктивные» и «непродуктивные», — вопрос, которому В. В. Виноградов и вслед за ним академическая «Грамматика русского языка» уделяют особое внимание. Между тем «продуктивность» и «непродуктивность» — понятия «диахронические». С точки зрения чисто «синхронной», «статической», нельзя характеризовать тот или иной суффикс как «продуктивный», можно только констатировать, что один суффикс в данной системе встречается часто — чаще, чем другой; эту «частоту» можно уточнить статистически, как это рекомендуется в настоящее время синхронной лингвистикой. Но означает ли это «часто» наступление или отступление данной формы — с точки зрения плоскостного, «статического» рассмотрения языка — сказать невозможно. А между тем нельзя характеризовать данную систему языка, не говоря о продуктивности или непродуктивности тех или иных ее элементов.

Это хорошо понимали уже основоположники структурализма, когда в тезисах Пражского лингвистического кружка они писали еще в 1928 г., полемизируя с Соссюром: «Различие форм продуктивных и непродуктивных есть факт диахронии, который невозможно исключить из синхронической лингвистики»². Однако в истории науки теоретические положения нередко расходятся с исследовательской практикой, которая стихийно развивается в другом направлении. Известно, например, что Бругман и Остгоф в своем лингвистическом манифесте, положившем начало младограмматическому направлению, провозгласили лозунг: выйти из «мутных туманов мастерской, где выковываются индоевропейские праформы», в живую жизнь современных языков

¹ См. ВЯ, 1955, № 1, стр. 147. Справедливые замечания по этому вопросу содержит статья И. И. Р е в з и н а «По поводу рецензии К. А. Левковской на книгу М. Д. Степановой» (там же, 1955, № 5, стр. 162—163).

² См. «Travaux du Cercle linguistique de Prague», 1, 1929, стр. 8: «...la distinction de formes productives et non productives sont des faits de diachronie, que l'on ne saurait éliminer de la linguistique synchronique» (Thèses I, b).

и диалектов¹. Между тем именно Бругман явился создателем знаменитого коммюндума по сравнительной грамматике индоевропейских языков, представляющего классический образец той самой «мастерской», против которой в юные годы он выступал в своей методологической декларации.

Принято думать, что в языках бесписьменных, история которых неизвестна, чисто синхронное описание данного состояния во всяком случае является необходимою. С этим связана и позиция американцев, предсказателей так называемой описательной лингвистики. Думаю, что это положение также неправильно. При описании любого бесписьменного языка, если мы не хотим исказить перспективу, необходимо выделить продуктивные и непродуктивные формы, т. е. путем своего рода внутренней реконструкции определить тенденцию развития системы и ее элементов. Это и подразумевал Л. В. Щерба, когда утверждал, что всякое «хорошее» описание данного языка в данный момент времени «само по себе дает понятие о ближайшем его прошлом и возможном будущем».

Советские «описательные» грамматики национальных языков, имеющие научный характер, обычно, в меру своей научности, следуют этому принципу имманентного синхронному описанию историзма. Можно процитировать взамен многих примеров вступительный абзац к разделу «Грамматическое развитие слова» в известной «Грамматике башкирского языка» Н. К. Дмитриева, которая справедливо признается одной из лучших в своем роде: «Для башкирского языка (как и вообще тюркских) весьма важное значение имеет грамматическое развитие слова, которое подчинено определенному закону. Общий процесс может быть формулирован так: от отдельного слова к аффиксу. Однако проследить этот процесс полностью можно только тогда, когда мы возьмем язык во всей его истории, которая для башкирского языка еще не изучена. Тем не менее отдельные черты этого процесса ясно различаются и в современном языке; мало того: сплошь и рядом они помогают разобраться в отдельных элементах этого современного языка. Прилагаемая ниже схема построена на характеристике отдельных типов грамматического слова, включая обе полярные противоположности (отдельное слово — аффикс) и типы, расположенные между ними. Вводя, таким образом, в башкирскую морфологию элементы историзма, настоящая схема поможет, кроме того, уяснить и соотношение между башкирскими частями речи, природу которых довольно трудно осознать, оставаясь на базе одной только современной морфологии башкирского языка»².

Возражения с методологической точки зрения вызывает и общая лингвистическая концепция де Соссюра и его школы: рассмотрение языка как системы противопоставлений, в которой каждый элемент определяется только своим местом в системе. На самом деле элементы языка определяются совокупностью своих положительных признаков, между которыми наличествуют и сходства и различия. Поэтому следует говорить о сопоставлении этих элементов (по сходству и различию их положительных качеств), а не о противопоставлении (которое представляет лишь частный случай сопоставления). Следует говорить об отличиях, а не о различиях. Сходство и различие фактов действительности (в том числе и фактов языка) определяет отношение между ними и создает систему, а не система и отношения создают те факты и элементы, из которых они строятся. Поэтому неправильно рассматривать противопоставления как основополагающий структурный признак системы языка: всякое противопоставление в сущности является лишь средством

¹ Н. Osthoff, K. Brugman, *Morphologische Untersuchungen auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen*, Tl. 1, Leipzig, 1878, стр. IX—X.

² Н. К. Д м и т р и е в, *Грамматика башкирского языка*, М.—Л., 1948, стр. 48.

более наглядного обнаружения положительных признаков, присущих данному явлению как таковому. Приведем примеры.

1. Можно ли говорить о переходных глаголах в языке, где существовали бы только переходные глаголы, т. е. где нет противопоставления переходности и непереходности? Разумеется, м о ж н о. Переходность — это свойство глагола иметь прямое дополнение, на которое «переходит» действие глагола. Свойство это не зависит от наличия или отсутствия в языке глаголов непереходных. Поэтому теоретически возможно существование языка, в котором все глаголы — переходные и грамматическим признаком этой переходности является управление винительным падежом.

2. Можно ли говорить о глаголах совершенного вида в языке, где нет коррелятивных с ними глаголов несовершенного вида? Разумеется, м о ж н о. Совершенный вид определяется не противопоставлением несовершенному, а терминативным значением данного глагола.

3. Н. С. Трубецкой и структуралисты определяют фонему как совокупность «релевантных» (смыслоразличительных) противопоставлений.

Возьмем, однако, фонему [k] во французском языке (пример Л. В. Зиндера). К ее положительным признакам относится, в частности, смычное произношение. Однако во французском языке, в отличие от немецкого и русского, нет коррелятивной фонемы [x], которая противопоставлялась бы [k] как щелевой заднеязычный — смычному. Поэтому, с точки зрения структуралистов, смычка во французском [k] «иррелевантна», т. е. не входит в состав фонемы [k] как смыслоразличительный признак.

Достаточно, однако, произнести во французском разговоре вместо «кур» (*cour*) — «хур», чтобы убедиться на практике в смыслоразличительном значении этого признака, который к тому же поддерживается всей с и с т е м о й противопоставлений смычных и спирантов во французском языке.

Таким образом, спор идет не о возможности синхронного изучения языка, а о методах этого изучения. В отличие от теории и практики сосюррианства и структурализма, синхронное изучение языка в советской грамматической литературе не противостоит диахронии, но включает в себя ее элементы. Система языка в целом и в частях рассматривается не статически, в плоскости «среза», а динамически, с учетом имманентных тенденций ее исторического развития.

3

Уточнения требует и самое понятие «системы» языка. Мы злоупотребляем словом «система». Слово это произносится со священным трепетом, но при этом часто является пустой фразой. Система — это взаимосвязь, взаимодействие между рядом явлений одного порядка. Так называемая «система» данного языка, которая до сих пор остается лишь н а у ч н ы м п о с т у л а т о м (как и «внутренние законы» его развития), на самом деле обнимает множество частных систем, в разной степени между собой связанных. При этом разные стороны языка в разной степени «системны».

Понятие «системы языка» строится структуралистами по образцу ф о н о л о г и ч е с к о й с и с т е м ы, и, несомненно, фонологическая система представляет наиболее «системный» аспект языка. Однако и здесь, в области исторической фонологии, р а з в и т и е фонологической системы определяется обычно не ее структурой, а фактами, лежащими в н е с и с т е м ы. Внесистемные факты определяют развитие системы — в этом основная теоретическая трудность диахронической фонологии. Так называемая фонологизация, которую пытаются — обычно с большими натяжками — объяснить имманентным развитием самой фонологической системы, на самом деле представляет результат давления внесистемных фактов на

различие системы. Примером может служить история умлаута в немецком языке: новые фонемы *ö, ü, ö, ü* являются результатом фонологизации ассимиляторных вариантов гласных фонем *o, u, ö, ü* ударного (корневого) слога, возникших в положении перед неударным *-i* окончания, — фонологизация, которая в свою очередь была вызвана другим фонетическим процессом: качественной редукцией неударных гласных (в том числе *-i*) в безразличное — *e*¹.

Наличие системы грамматических форм выступает наиболее наглядно, когда речь идет о парадигме склонения и спряжения. Сложнее обстоит вопрос в отношении всей системы формообразования имени в целом, а также формообразования глагола (видовые, залоговые, модальные формы в их отношении к системе спряжения). Еще труднее установить связь между системой имени и системой глагола. Можно постулировать существование такой связи, но до сих пор она не установлена сколько-нибудь точно ни для одного языка.

Мы могли бы прежде всего поставить вопрос о наличии общих тенденций внутри грамматической системы в целом в случаях изменения морфологического строя языка. Так, с развитием анализа новые аналитические формы появляются и у глагола, и у имени существительного. Однако предположенные конструкции имени имеют совершенно другую грамматическую структуру, чем аналитические глагольные формы, и не связаны с ними ни в своем развитии, ни по употреблению.

Возможно, что различие огласовки между единственным и множественным числом прошедшего времени сильных глаголов в германских языках (например, срвнем. ед. ч. *warf* — мн. ч. *wurfen*, ед. ч. *böt* — мн. ч. *buten* и т. п.) исчезает в новонемецком языке под влиянием «аналогии» вместе с четким оформлением морфологических признаков множественного числа имени существительного. В результате этого становится ненужным такое же противопоставление в глаголе, восходящее в конечном счете к индоевропейскому языку-основе. Если бы эта гипотеза, высказанная мною в другом месте², была признана правильной, мы имели бы в этом частном случае указание на наличие системной связи между развитием системы имени и системы глагола. Но случай этот пока остается единичным, и мне неизвестны другие примеры, по крайней мере в области германских языков.

Связь между фонетической и грамматической системой языка выступает с очевидностью в таких случаях, как развитие грамматического строя новых германских языков под влиянием редукции неударных окончаний (обусловленной в конечном счете характером и положением в слове германского силового ударения). Понятие системы связано в подобных случаях с проблемой внутренних закономерностей (по терминологии Мейе, «тенденций») языкового развития, т. е. с динамикой системы, с диахронией.

Наконец, наличие или отсутствие «системы» в лексике представляет наиболее трудный и теоретически совершенно не проясненный вопрос. Хотя в настоящее время охотно говорят о «лексической системе» данного языка, однако и это словоупотребление имеет по преимуществу фразеологический характер и никакого конкретного содержания в себе не включает. С точки зрения словообразовательной (т. е. грамматической, или, точнее, лексико-грамматической) лексики данного языка имеет, несомненно, системный характер и связана с другими сторонами его грамматической

¹ См. В. М. Жирмунский, Умлаут в немецких диалектах с точки зрения исторической фонологии, сб. «Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его шестидесятилетию», М., 1956.

² См. В. М. Жирмунский, Внутренние законы развития языка и проблема грамматической аналогии, «Труды Ин-та языкознания АН СССР», т. IV, М., 1954 стр. 100.

системы, с словоизменением (или, шире, — формообразованием). Но с точки зрения собственно лексической вопрос этот менее ясен.

Как известно, немецкий лингвист И. Трир в свое время выдвинул теорию так называемого «языкового поля» (sprachliches Feld). Слова, по этой теории, обозначающие сходные или связанные между собой понятия, образуют систему и развиваются во взаимодействии. В качестве такого «языкового поля» Трир исследовал развитие слов, обозначающих понятие «мысль» в средневековом немецком языке ¹.

В советском языкознании против теории И. Трира неоднократно выдвигались методологические возражения: говорилось, что Трир как идеалист отрывает «языковое поле» и внутренние закономерности его развития как системы от факторов общественных, которые определяют своим воздействием изменение значения слов и развитие новых слов ². Но сущность этого упрека как раз в том и заключается, что Трир видит только «систему» в ее саморазвитии там, где на самом деле определяющая или во всяком случае очень существенная роль принадлежит воздействию на систему внесистемных факторов, т. е. явлений, лежащих за пределами языка.

Предположим, однако, что мы со всей объективной точностью определили систему слов, обозначающих понятие «мысль» в данном языке. Связана ли эта группа слов, это «языковое поле», в своем развитии со словами, обозначающими в том же языке одежду или обувь? Думается, что никакой связи между этими лексическими группами нет, а следовательно, нет и никакой «системности». В словарном составе языка, как в сокровищнице слов, обозначающих многообразие предметов реальной действительности, системная связь между отдельными его частями очень незначительна и определяется в основном реальными отношениями этой внеязыковой действительности. Во всяком случае, вопрос этот до сих пор никем не исследован (ни Триром, ни его противниками) — как теоретически, так и на конкретном языковом материале, и мы пока ограничиваемся только тем, что повторяем: «лексическая система языка», думая при этом о чем-то очень хорошем и важном для языкознания, но вместе с тем не умея в точности сказать, в чем это хорошее и важное заключается.

Подведем итоги. Изучать язык как данность возможно и необходимо. Это очень важная задача языкознания не только по отношению к современному языку как непосредственной данности, но также по отношению к историческому прошлому, в меру возможности его систематической реконструкции. Если угодно, можно называть такое изучение синхронией. Советская лингвистика за истекшие 40 лет выработала свои традиции и методы такого изучения. Методы эти не разрывают синхронию и диахронию: они вносят в синхронию элемент развития, т. е. историю. Синхронный анализ языка не открыт структуралистами как новый раздел лингвистической науки; структуралисты только дали ему своеобразное истолкование и направление в духе лингвистических теорий де Соссюра, определивших разрыв между статикой и динамикой в языке и рассмотрение структуры языка как системы противопоставлений в горизонтальной плоскости. Самое понятие системы языка, принятое современным языкознанием как постулат, требует дальнейшего исследования — теоретического и в то же время основанного на материале конкретных языковых фактов, относящихся к разным языкам и к разным аспектам языка.

¹ J. T r i e r, Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirke des Verstandes. Die Geschichte eines sprachlichen Feldes, Heidelberg, 1931. Ср. статью того же автора: Sprachliche Felder, «Zeitschr. für deutsche Bildung», Jg. 8, Hf. 9, 1932.

² См., например, В. А. Звегинцев, Семасиология, М., 1957, стр. 266 и сл.